

Тема семинара:

Мусульманский опыт миростроительства:
базовые цели и ценности, формы познания
и социокультурной организации. Исторический
опыт и российская ситуация

Доклад

Мусульманский опыт миростроительства:
базовые цели и ценности, формы познания
и социокультурной организации. Исторический
опыт и российская ситуация

*Л.Р. Сюкияйнен, доктор юридичес-
ких наук*

С конца минувшего столетия ислам как важный фактор современной мировой политики активно обсуждают не только ученые-профессионалы, но и эксперты-политологи, публицисты и журналисты. В центре дискуссии, как правило, оказывается несколько тем. Прежде всего, остается актуальным анализ отношения ислама к международному терроризму и политическому экстремизму. Наряду с этим сюжетом на протяжении последних лет пристальное внимание исследователей привлекают перспективы мусульманского мира в свете проектов его политического реформирования и роль ислама в этих процессах. В конечном счете речь идет о его судьбе в условиях набирающей обороты глобализации.

Глобализация и структура современного мира с позиций шариата

В последнее время глобализация превратилась в одну из ведущих примет современного мира. Сама по себе глобализация — явление преимущественно закономерное и даже неизбежное. Ведь она отражает реальные процессы взаимодействия и сближения практически всех стран, культур и образов жизни разных народов, активизацию обменов на уровне не только государств, но и отдельных граждан. Естественно, глобализация вторгается в жизнь и мусульманского мира, оказывая на нее неоднозначное влияние.

Ее основная идея — включение всех в мировые процессы на общих единых основах — в своей реализации дает пока больше преимуществ богатым странам Запада. Неслучайно, в то время как многие государства, включая Россию, стремятся вступить во Всемирную торговую организацию, ряд общественных ассоциаций и движений регулярно проводят демонстрации протеста против навязывания таких общих стандартов, которые выгодны лишь крупным монополиям, но в то же время увеличивают разрыв между экономически развитыми и отсталыми регионами планеты.

Имея в виду шариатское учение об иерархии интересов человека, можно сказать, что если одни государства через глобализацию удовлетворяют свою жажду к роскоши и еще большему комфорту, то другие не в состоянии обеспечить свои самые минимальные нужды. Но ведь исходные уровни и условия развития участников международного обмена разные. Поэтому современная исламская правовая доктрина подчеркивает, что принципы справедливости и права требуют учитывать это, а шариат предоставляет льготы тем, кто оказался в нужде, и предусматривает возможность временного освобождения их от выполнения некоторых общих обязанностей. К сожалению, в жизни это происходит редко.

Закономерно, что в мире ислама высказываются различные, порой прямо противоположные оценки глобализации.

Многие мусульманские мыслители негативно относятся к ней, поскольку считают ее средством борьбы Запада с исламом. Они убеждены в том, что между исламскими и западными ценностями пролегает глубокая пропасть¹. Такую позицию по отношению к данному явлению в целом можно понять. Действительно, попытки Запада под лозунгом глобализации навязать мусульманам свои культурно-нравственные стандарты и даже политико-правовые формы без учета сложившихся в мусульманском мире традиций не могут не вызывать отторжения. Тем более, если такие шаги воспринимаются как прямая атака на ислам. Неслучайно при обсуждении проблем глобализации мусульманские праведы и политологи подчеркивают, что шариат отвергает стремление насильно внедрить любые нормы и образцы поведения. Придерживаясь принципа «нет принуждения в религии», он категорически не допускает насилия при утверждении иных ценностей, которые не просто должны быть формально провозглашены мировым сообществом, но приняты всеми его членами. Понятно, что ссылаясь на шариат придает таким суждениям особый авторитет в глазах мусульман.

Однако в целом процесс глобализации и его итоги не могут быть оценены только негативно, что признают многие исламские ученые и политики. Мне довелось присутствовать на выступлении министра высшего образования Королевства Саудовской Аравии в Исламском университете имама Мухаммада бен Сауда в начале марта 1999 г. Я хорошо помню его слова о том, что наряду с негативными результатами глобализация приносит много полезного, особенно в сфере образования и информации. В частности, именно благодаря координации учебных программ и их адаптации к международно-принятым стандартам выпускники саудовских

¹ См., например: *Абдель Азим аль-Матани*. Глобализация — новая форма традиционного неприятия ислама Западом. «Аль-Байан», Дубай, 26.11.1999.

университетов имеют возможность продолжать обучение в самых престижных центрах образования в мире.

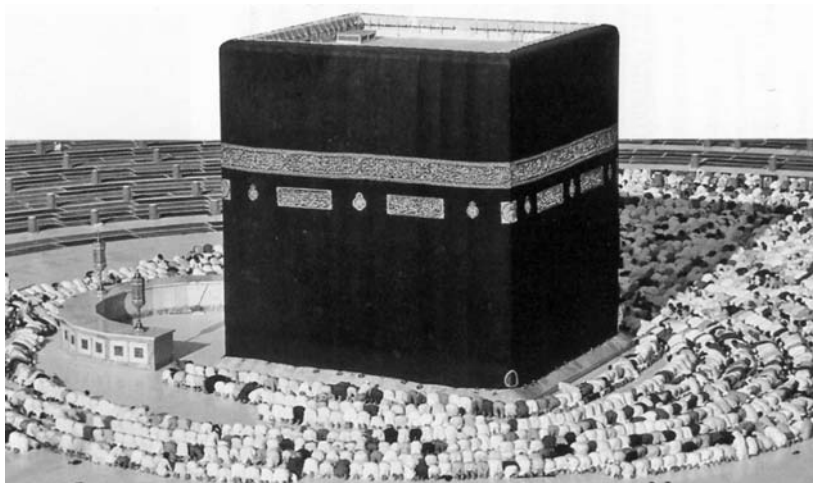
Глобализация приносит немалые блага и в международном экономическом обмене. В частности, Академия мусульманского права при Организации «Исламская конференция» отмечала позитивные результаты глобализации в области международной торговли². СМИ ряда арабских стран сообщают, что их банковские системы, в том числе Исламский банк развития, для ответа на вызовы глобализации успешно используют современные информационные технологии. Кстати, современная мусульманская правовая мысль уже одобрила многие формы коммерческих сделок, заключаемых через Интернет³.

Конечно, вывод о пользе повсеместного принятия общих правил и стандартов нельзя считать абсолютным. Сомнения в возможности безоговорочно позитивного отношения к глобализации возникают прежде всего тогда, когда речь идет о таких сферах, в которые она также вторгается, это касается культуры, системы нравственных ценностей, религиозных убеждений и основанных на них правовых принципах. Поэтому положительная оценка влияния глобализации на отдельные стороны экономики или финансов мусульманских стран не может автоматически переноситься на эту чувствительную сферу их жизни. Здесь глобализацию надо понимать не только как унификацию и сближение, но и как учет национальных, культурных и религиозных ценностей и особенностей различных стран, уважение их, обмен и диалог между ними. Стремление же навязать общие стандарты по этим вопросам вызывает обоснованные возражения.

Но если глобализация оказывает на культуру неоднозначное влияние, вызывающее самые острые споры, то

² См.: «Аш-Шарк аль-Авсат», Лондон, 18.10.1997.

³ См.: «Ас-Сийаса», Кувейт, 08.01.2001; «Аль-Ватан», Кувейт, 07.01.2001; «Ар-Рай», Кувейт, 08.01.2001.

Кааба основана Адамом, восстановлена Авраамом

Считается, что Кааба была построена Авраамом и его сыном от Агари Измаилом по приказу Бога на том месте, где, как полагают, стояло святилище, воздвигнутое Адамом. В доисламские времена это было место поклонения 360 аравийским божествам. В 630 г. Мухаммад низверг этих идолов и посвятил Каабу единому истинному богу. Каждый год во время хаджа 2 млн паломников посещают Мекку. При виде Каабы они испытывают необычайный духовный подъем. Когда паломники входят в храм, заповедную территорию вокруг Мекки, они восклицают: «Лаббайка! Лаббайка!» (Я здесь в Твоем распоряжении!). С этого момента они сосредоточены исключительно на Боге. Хадж совершают только в двенадцатый месяц мусульманского календаря. Когда паломники приезжают в другое место, они совершают умру, малое паломничество, правила которого менее строгие.

именно культура может помочь найти самые правильные ответы на вызовы глобализации. В мусульманском мире такую роль призвана взять на себя исламская политическая и правовая культура. В частности, ключевые проблемы глобализации могут быть решены путем обращения к основополагающим нормам и принципам шариата, которые позволяют не только находить ответы на конкретные вопросы, но и формулировать принципиальное отношение к этому явлению в целом.

Следует признать, что современное исламское правоведение пока еще не предложило четкой и развернутой концепции глобализации. Однако беседы автора настоящей статьи с авторитетными мусульманскими учеными позволяют наметить основные направления, по которым идет разработка такой теории.

Главное здесь — использование позитивных сторон глобализации и одновременное предотвращение ее негативных последствий. Для этого надо ориентироваться на такие знаменитые общие принципы исламской правовой доктрины (фикха), как «дела оцениваются по преследуемым ими целям», «не допускается ни причинения вреда, ни нанесения ущерба в ответ на причиненный вред», «распоряжение делами подданных должно иметь своей целью их интересы». Но, несомненно, главный критерий оценки предлагаемых мусульманам стандартов в отношениях с немусульманским миром сформулирован в словах Аллаха, которые воспроизводятся в Коране: «Помогайте друг другу в благочестии и богобоязненности, но не помогайте друг другу в грехе и вражде» (Трапеза, 2).

Другим исходным принципом в отношении к глобализации является выбор верного решения между тем, что разрешает и запрещает шариат. Ориентиром на этом пути является высказывание пророка Мухаммеда: «Дозволенное — ясно и запрещенное — ясно, а между ними находится то, что является сомнительным и неведомым многим людям. Поэтому если человек остерегается всего того, в чем он

сомневается, и избегает его, то он сохраняет в чистоте свою религию и честь».

Конечно, глобализация, если ее оценивать с указанных позиций, несет с собой много сомнительного. Она преимущественно сводится к таким общим стандартам, конкретизация которых и их использование в интересах мусульман допускают различные оценки. Употребляя мусульманско-правовую терминологию, можно сказать, что глобализация в целом является специфической областью жизни исламских стран, которая предполагает иджтихад — рациональный поиск решений по вопросам, оставленным в шариате без точных детальных правил. Причем глобализация не только является объектом иджтихада, но и сама предъявляет к нему особые требования. В частности, она делает особенно актуальным принцип фикха, допускающий изменение норм с изменением места, условий и времени, а также повышает роль такого источника новых норм, как «исключительные интересы», которые легализуют любые нововведения, если они прямо не запрещены шариатом. Именно презумпция дозволенности всего того, что не отвергается Кораном или сунной пророка Мухаммада, может широко использоваться при оценке рецепции мусульманским миром достижений иных культур в самых различных областях, включая право и основы построения власти.

Одновременно для правильной ориентации в противоречивых условиях глобализации следует использовать такие общие принципы фикха, как «из двух зол выбирается менее тяжкое» и прежде всего — «предотвращение порчи предпочтительнее приобретения выгоды». Вообще в этом смысле глобализация может восприниматься как постоянное балансирование между избежанием вреда и извлечением пользы. Помочь сделать правильный выбор между этими крайностями может обращение к таким исходным началам, основным ценностям и целям шариата, как постепенность, умеренность и усредненность, избежание крайностей и необременение человека сверх его возможностей.

К этому следует добавить и необходимость ведения диалога с другими культурами и системами ценностей, что является одной из характерных черт глобализации, которая предполагает взаимодействие цивилизаций и обмен между ними. Такой диалог дает мусульманам уникальный шанс напрямую знакомить немусульманский мир с ценностями и целями ислама. Использование этих вновь открывающихся благодаря глобализации возможностей становится в современном мире важным направлением и формой призыва следовать путем Аллаха, чтобы не только заимствовать достижения иных культур, но и обогащать их ценностями исламской цивилизации. Что же касается путей достижения этой цели, то в Коране дается такой совет: «Призывай на путь Аллаха мудростью и добрым увещанием и веди спор с ними наилучшими средствами» (Пчелы, 125).

Несомненно, ряд наработок исламской политической и правовой мысли может быть востребован и теми исламскими странами, которые стоят перед вызовами глобализации. К ним относится и Россия, которая так же, как и мусульманский мир, стремится совместить включенность в общемировые процессы с сохранением самостоятельности, современность — с самобытностью. К примеру, после предоставления в 2005 г. нашей стране статуса наблюдателя в Организации «Исламская конференция» особое значение для нее приобрели принципы и нормы шариата, касающиеся международных отношений.

Учет позиций современной мусульманско-правовой науки по этой проблематике необходим для развития отношений России с исламскими государствами, а также для налаживания эффективного сотрудничества федерального центра с российскими регионами традиционного распространения ислама. Одновременно обращение к международно-правовым принципам шариата может стать важным фактором взаимопонимания и доверия между Россией и исламским миром, а также сыграть положительную роль в

проведении нашей страной своей политики в Центральной Азии.

В частности, следует иметь в виду, как связи России с миром ислама оцениваются с позиций мусульманского права, которое отличается расхождениями между различными его толками. Причем современная мусульманско-правовая наука поощряет обращение к выводам разных школ для выбора среди них таких решений, которые в наибольшей мере отвечают реалиям сегодняшнего мира в рамках общих принципов шариата, его основных ценностей и целей. Принимая во внимание это обстоятельство, отношения России с мусульманскими странами могут рассматриваться сквозь призму концепции разделения мира на несколько составляющих, прежде всего на «мир ислама» и «мир войны». Наряду с ними некоторые направления мусульманско-правовой мысли выделяют «мир договора (примирения)». Он включает те немусульманские страны, с которыми «мир ислама» связан договорами, гарантирующими взаимную безопасность и учитывающими взаимные интересы⁴.

Современная наука мусульманского права склонна распространять концепцию «мира договора» в целом на отношения мусульманских стран с неисламскими государствами, основанные на принципах взаимной безопасности и выгоды⁵. Одновременно теоретически нельзя исключать воспроизведения модели «мира договора» с противоположным знаком, когда в рамках немусульманского государства особый статус предоставляется мусульманскому региону. В таком случае

⁴ См., например: *Абу аль-Хасан аль-Маварди*. Властные нормы и управление религиозными делами. Бейрут, б. г. С. 175–176 (на арабском языке); *Ибн Рушд*. Начало иджтихада и предел достижения цели. Каир, 1983. Ч. 1. С. 449–451 (на арабском языке); *Мухаммад аль-Хатиб аш-Ширбини*. Обогащение нуждающегося. Дамаск, б. г. Ч. 4. С. 260–265 (на арабском языке).

⁵ См.: *Мухаммад Абу Захра*. Международные отношения в исламе. Каир, 1964. С. 53–57 (на арабском языке).

последний будет считаться «миром ислама», а немусульманское государство, в рамках которого указанный регион имеет особый статус в силу специального соглашения или в соответствии с законодательством, — «миром договора».

Анализ мусульманско-правовых концепций позволяет выделить требования, предъявляемые к «миру договора» в современном понимании. Таким условиям отвечают те неисламские государства, которые гарантируют мусульманам безопасность, право беспрепятственно исполнять все религиозные обязанности и распространять ислам, а также поддерживают мирное взаимовыгодное сотрудничество с «миром ислама»⁶. Исходя из этого, отношения большинства исламских стран с Россией вполне могут оцениваться как связи «мира ислама» с «миром договора».

Отдельные стороны такого сотрудничества также могут оцениваться на основе шариата. Например, исходным принципом взаимоотношений «мира ислама» и немусульманских государств он считает мир⁷, а связи между ними нацеливает на такие нормы, как поиск взаимного согласия и компромиссов, исключение диктата и принуждения, направленность любых договоренностей на достижение благих целей, точное соблюдение заключенных соглашений. Шариат также предусматривает ряд конкретных норм, регулирующих пути достижения договоренностей и определяющих их цели, таких как «усредненность», поиск компромиссов, исключение риска, избежание вреда, совещательность, учет мнений специалистов и др.

Впрочем, такой взгляд на проблему отражает лишь одну, хотя и пользующуюся широкой поддержкой, мусульманско-правовую концепцию деления современного мира. Наряду с

⁶ См.: Вахба аз-Зухейли. Международные отношения в исламе в сравнении с современным международным правом. Бейрут, 1981. С. 103–112 (на арабском языке).

⁷ См. Абдель Ваххаб Халлаф. Шариатская политика. Конституционные, внешнеполитические и финансовые основы исламского государства. Бейрут, 1987. С. 72–79 (на арабском языке).

Полумесяц

Полумесяц, хилал, стал общепринятым символом ислама. Он издавна связан с царской властью и, кроме того, напоминает мусульманам о лунном календаре, который регулирует их религиозную жизнь

ней можно встретить и радикальную теорию, согласно которой большинство современных стран, включая и мусульманские, представляет собой «мир неверия». Вместе с тем некоторые авторитетные мусульманские мыслители полагают, что в нынешних условиях традиционный шариатский взгляд на мир вообще неуместен, поскольку нынешняя цивилизация не может рассматриваться как поле противостояния исламский и немусульманских стран⁸.

Однако в любом случае учет разработок современной мусульманско-правовой мысли по проблематике международных отношений может быть весьма полезным для российской внешней политики и развития сотрудничества нашей страны с мусульманским миром, который в последнее время вступил на путь достаточно глубоких политических реформ. Исламская политико-правовая мысль, естественно, не может оставаться в стороне и от этих процессов.

Ислам и перспективы политических реформ в мусульманском мире

В настоящее время политико-правовое развитие большинства мусульманских стран характеризуется достаточно противоречивым сочетанием исламских традиций с общемировыми стандартами и западными либеральными ценнос-

⁸ См., например: Юсуф аль-Карадави. Современные фатвы (избранное). Выпуск 1. М.: Андалус, 2004. С. 202–205.

тиями. При этом надо учитывать, что политика, основы построения и функционирования механизма государственной власти — весьма специфическая область взаимодействия (сотрудничества и конкуренции) исламских начал и западных образцов. С позиций исламской мысли, особенность этой сферы заключается в том, что традиционная мусульманско-правовая доктрина (фикх) не предлагает детальных, точных и однозначных решений по большинству частных вопросов, а ограничивается формулированием самых общих ориентиров — например, совещательности, справедливости и равенства, — которые могут быть реализованы в разнообразных вариантах, в том числе и заимствованных. Причем претворение этих общих начал способно привести к различным результатам. Так, со ссылкой на принцип совещательности нетрудно обосновать как назначение чисто консультативных советов, целиком подчиненных главе государства, так и формирование путем всеобщих выборов представительных органов, наделенных реальными законодательными полномочиями.

В наши дни мусульманско-правовые постулаты активно привлекаются для доказательства допустимости широкого обращения к западному опыту по таким ключевым вопросам, как парламентаризм, выборы, политический плюрализм, разделение властей и даже права человека. Конечно, восприятие мусульманскими странами мировых демократических принципов по этим направлениям, как правило, носит ограниченный характер, поскольку сводится к внешнему заимствованию западных аналогов. Но отсутствие в исламской правовой мысли конкретных жестких предписаний относительно устройства власти в принципе, с позиций самого шариата, открывает путь к использованию мирового опыта политической демократии.

Более того, на наш взгляд, в настоящее время в большинстве мусульманских стран любой проект модернизации и демократизации имеет перспективу при условии, что он будет осуществлен в рамках или, по крайней мере, с учетом исламской политико-правовой традиции. И наоборот,

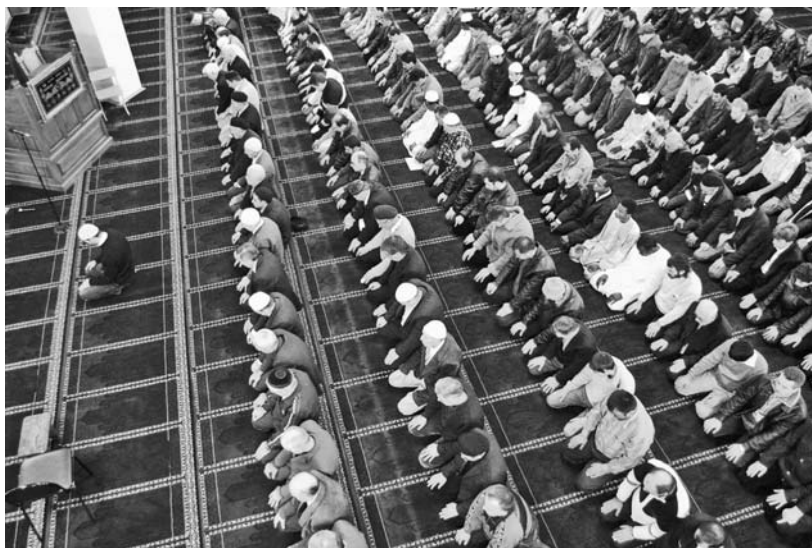
политические реформы здесь вряд ли будут успешными, если они имеют своей целью создание формально демократических, но противопоставляемых исламу институтов, и поэтому воспринимаются мусульманским сообществом в качестве угрозы исламским ценностям. Власть и преобладающая часть общества в мусульманских странах объективно заинтересованы в развитии демократических институтов, но только если при этом будут обеспечены политическая стабильность и безопасность. А это возможно лишь в том случае, если планы демократизации будут увязаны с мусульманскими политическими и правовыми традициями, включая исламское осмысление любых преобразований.

Стратегия демократического реформирования политических и правовых систем мусульманского мира должна быть нацелена на его подключение к процессу глобализации со своими исламскими ценностями (в том числе политико-правовыми), совместимыми с общемировыми демократическими принципами и осмысленными в духе современных реалий. Решение этой задачи, понятно, предполагает активное использование позитивного потенциала исламской политико-правовой мысли и стимулирование разработки ею проблем, связанных с новыми реалиями и ролью ислама в глобализирующемся мире.

Важно иметь в виду, что обращение к исламской аргументации — не конъюнктурный ход и не пустая пропаганда. С учетом состояния общественного сознания в мусульманском мире взгляд мусульманско-правовой доктрины на перспективы совместимости исламских и западных принципов имеет первостепенное значение. В частности, о теоретической возможности такого сочетания свидетельствуют новейшие разработки мусульманских правоведов и политологов, разделяющих умеренную и взвешенную трактовку шариата. Так, один из крупнейших мусульманских мыслителей шейх Юсуф аль-Карадави, который никак не может быть отнесен к сторонникам либеральных взглядов, полагает, что современная трактовка государства с мусульманс-

ко-правовых позиций вполне допускает наличие в мусульманских странах многопартийной системы и политической оппозиции. Он высказывается в пользу избрания женщин и немусульман в состав представительных органов в таких странах и даже участие мусульман в работе парламентов в немусульманских государствах. На его взгляд, толкуемый в современном духе, шариат не препятствует заимствованию целого ряда либеральных демократических институтов и процедур⁹.

Характерно, что к шариату апеллируют как сторонники такой рецепции, так и ее противники. В частности, опыт последних лет подтверждает, что правящие круги мусульманских стран способны проводить политические реформы, находя им исламское обоснование. Вместе с тем вокруг этих изменений нередко разгораются жаркие споры по

⁹ См.: Юсуф аль-Кардави. О правовой концепции государства в исламе. Статус государства, его особенности, природа и отношение к демократии, плюрализму, роли женщины и немусульман. Каир, 1997 (на арабском языке).

вопросу их соответствия шариатским требованиям. Показательным примером является полемика вокруг предоставления избирательных прав женщинам в Кувейте. Вплоть до начала третьего тысячелетия здесь брала верх позиция исламских радикалов, которые блокировали любые попытки дать женщинам возможность принимать участие в парламентских и местных выборах, на том основании, что такой шаг противоречит шариату. Однако в июне 2005 г. Национальное собрание страны все же приняло закон, согласно которому женщины получили такое право. Причем и это решение обосновывалось шариатскими аргументами.

Такой опыт подтверждает, что противоречия и конфликты между исламским и западным подходами к праву не только вероятны, но в ряде случаев просто неизбежны. Поэтому в концептуальном отношении важно отчетливо видеть пределы их сближения и совмещения. Но принципиальная возможность продолжения диалога между мусульманским миром и Западом по политическим вопросам сохраняется, а предел сближения позиций сторон далеко еще не достигнут.

Умеренность как приоритетное направление современной исламской мысли

Все затронутые выше проблемы невозможно рассматривать без учета тенденций развития современной исламской мысли. Ведь идейный фактор имеет особое значение для мусульманского мира, где любые серьезные перемены и проекты общенационального масштаба оцениваются сквозь призму исходных начал ислама. Более того, они не могут быть успешными без исламского обоснования. Так что от осмысления отмеченных выше проблем с позиций ислама в существенной мере зависит поиск их позитивного решения.

Сегодня в мусульманском мире наблюдаются противоречивые тенденции — от шагов по пути демократизации до новых всплесков радикальных настроений. Как на это ре-

агирует исламская мысль? Тема ее отношения к терроризму и экстремизму выходит за рамки настоящей статьи. Тем более что об этом нам уже приходилось неоднократно писать¹⁰. Отметим лишь неоднозначную связь между исламом и указанными явлениями. Исламские концепции зачастую используются для обоснования целей и методов террористической деятельности. В то же время исходные начала ислама, его принципы и ценности могут служить в качестве эффективного инструмента для противодействия этой глобальной угрозе. К сожалению, приходится констатировать, что сторонники обвинения ислама в распространении терроризма по всему свету пока заметно активнее своих оппонентов. Что же касается тех, кто отстаивает исламскую альтернативу взглядам радикалов, то еще недавно они находились в тени, занимали оборонительные позиции. По крайней мере, на глобальном уровне.

До последнего времени взвешенная исламская мысль не проявляла нужной активности и при обсуждении проблем демократии, политических реформ и возможностей включения мусульманского мира в процесс глобализации. Иными словами, достаточно убедительной для современного человека и основательной по исламским меркам позиции по этим вопросам она в полной мере не формулировала. Складывалось впечатление, что на идейном уровне ислам просто не в состоянии отвечать на вызовы современности. Поэтому не приходится удивляться тому, что в отсутствие ясной стратегии современного ислама большинство исследователей придерживается сдержанной — если не пессимистической — оценки перспектив исламской цивилизации.

Наоборот, все громче звучат голоса тех, кто хотел бы отлучить ее от остального мира. За пределами мусульманских стран многие убеждены в том, что неперенным условием

¹⁰ См., например: Сюкияйнен Л.Р. Ислам против ислама. Об исламской альтернативе экстремизму и терроризму // Центральная Азия и Кавказ, 2002, № 3 (21).

утверждения здесь демократии является отказ от традиционных исламских ценностей. Такое противопоставление — естественно, по совершенно иным мотивам — характерно и для взглядов исламских экстремистов, которые во всем происходящем в сегодняшнем мире видят угрозу исламу. В качестве средства ее отражения они, например, предлагают реализацию глобального «исламского проекта», своего рода исламизацию современного человечества.

В этой связи возникает принципиальный вопрос: имеет ли у ислама достаточный потенциал на идейном уровне, чтобы избежать конфронтации и предложить своим последователям действенную и основанную на исламских подходах формулу, позволяющую сочетать приверженность исламским ценностям с активным освоением достижений современной цивилизации?

При ответе на поставленный вопрос надо учитывать, что в современной исламской мысли имеется немало течений, среди которых еще недавно выделялись три основных. Одно из них, традиционное, обосновывает консервацию нынешнего состояния мусульманского общества. Другое направление, фундаменталистское, отстаивает необходимость радикального преобразования всех общественных и властных структур в соответствии с буквально понимаемым шариатом. Наконец, модернистский подход использует внешне исламскую интерпретацию для оправдания либеральных реформ по западному образцу.

На этом фоне до последнего времени явно терялось еще одно — возможно, самое востребованное — течение в исламском осмыслении нынешнего мира. Речь идет об обращении к внутреннему потенциалу самого ислама, подходе к современным реалиям с позиций не узко трактуемых конкретных, мелочных предписаний традиционного шариата, а его краеугольных основ, ценностей и общих принципов.

Такой подход перекликается с позицией мусульманских реформаторов, разработавших свои идеи в конце XIX — начале XX в. Но эти мыслители в целом ограничивались

призывом к возобновлению иджтихада и не обращались к иным началам шариата для обоснования собственно исламского взгляда на меняющийся мир. Правда, с середины прошлого века такая линия прослеживалась в разработках отдельных мусульманских правоведов, которые предпочитали делать акцент на неизменных устоях шариата в противовес его частным решениям, не отличающимся постоянством. Однако эта теоретическая конструкция еще недавно никак не влияла на политическую и правовую практику.

Сейчас ситуация заметно меняется. Отмеченное направление исламской мысли начинает восприниматься как наиболее перспективное для обоснования стратегии современного ислама и мусульманского мира в целом. Главное в том, что оно кладется в основу официальной политики ряда стран на исламском направлении, становится ключевым в разработке ими своего рода национальной исламской идеи, включая ее концептуальные основы, ориентиры и механизм проведения в жизнь.

Особенно энергично в этом направлении работают государственные структуры Кувейта. Министерство вакфов и исламских дел этой страны разработало целую концепцию «Усредненность — образ жизни¹¹», основу которой составляет отмеченное выше понимание шариата. Свой шаг указанное ведомство объясняет тем, что никогда ранее не было столь актуальным исламское обоснование и определение общих походов мусульманского мира к решению стоящих перед ним и современным исламом задач. Ключевым из этих подходов является принцип усредненности (центризма), вытекающий из приводимых в Коране слов Аллаха: «И вот Мы создали вас общиной срединной, чтобы вы свидетельствовали за других людей, за вас же свидетелем был бы Посланник» (Корова, 143). Известно также высказывание пророка Мухаммеда: «Во всех делах наилучшим является то, что посередине».

Согласно такому подходу, усредненность понимается как взвешенность, умеренность, равноудаленность от любых крайностей — например, уход как от приземленного прагматизма, так и от оторванного от реальности идеализма, неприятие как слепого отстаивания давно устаревшего, так и стремления к постоянным переменам.

В этой трактовке усредненность становится главной чертой шариата. Неслучайно разработчики данной концепции обращаются к таким неизменным столпам последнего, как необременение человека сверх его возможностей, постепенность, поиск компромиссов, приоритет избежания вреда перед получением выгоды, исключение риска. Они позволяют воспринимать шариат не как застывшую форму и свод давно известных и непоколебимых частных предписаний, сковывающих человека, а как ориентирующий на определенные ценности путь решения проблем, который в несовпадающих социальных, культурных и политических условиях применяется по-разному в рамках общих целей и принципов.

¹¹ <<http://www.islam.gov.kw>>

Бросается в глаза, что рассматриваемая концепция представляет собой компромиссный вариант в сравнении с отмеченными выше направлениями исламской мысли — традиционализмом, фундаментализмом и модернизмом. Она использует положительные стороны каждого из этих идейных течений и в то же время избегает их крайностей. Иными словами, сама идея усредненности является примером среднего пути, дополняя традиционный исламский тезис о верующем разуме актуальным современным положением о сознательной вере.

Концепция усредненности как исламского образа жизни признает, что не все согласны с ее базовыми идеями. Поэтому в ней особое внимание уделяется поддержке исследований актуальных современных проблем на основе исламского принципа умеренности, поощрению творческой исламской мысли, что провозглашается главным гарантом преодоления религиозного фанатизма и стремления выдать какой-либо один взгляд по вопросам ислама за единственно правильное изложение воли Всевышнего. Такие претензии концепция оценивает очень жестко, исходя из следующих положений Корана: «Запретил Он и возводить на Аллаха то, чего вы не знаете» (Ограды, 330), «Не изрекайте своими устами ложь, утверждая, что это, мол, дозволено, а то запрещено, и не возводите напраслину на Аллаха. Воистину, не будут благоденствовать те, которые возводят на Аллаха навет» (Пчелы, 116). Приводится и известное изречение пророка Мухаммеда: «Аллах не удерживает у себя знание, вырывая его из людских сердец, но сохраняет его в руках ученых; если не останется ни одного ученого, то люди возьмут себе начальниками невежд, которые в ответ на обращенные к ним вопросы будут выносить решения без опоры на знания, заблуждаясь и вводя в заблуждение других».

В этой связи в концепции подчеркивается особая ответственность государства за использование отмеченных выше исламских ценностей для укрепления национального единства, недопущения сепаратизма, радикализма и раско-

Симург

Симург — это символ стремления суфия к единению с божеством. Персидский поэт повествует, как птицы, прослышав о великолепии Симурга, избрали его царем и отправились искать. К концу путешествия в живых остались только 30 птиц. Когда они достигли горы Симурга, то поняли, что он и они есть единое целое. «Симург» означает по-персидски «тридцать птиц».

ла внутри мусульманской общины. Специальный акцент сделан на том, что власть должна решительно пресекать любые попытки приверженцев определенной трактовки исламского учения обвинить своих оппонентов в неверии и силой навязать им свои взгляды. В качестве единственного способа преодоления расхождений предлагаются диалог и обращение к убедительной аргументации, а также подчеркивается ключевая роль государства в координации и сближении позиций различных центров исламского знания и мусульманских мыслителей по актуальным вопросам общенационального значения.

Аналогичные цели преследует и разработанная указанным министерством концепция умеренности при вынесении фетв — оценок стоящих перед современным мусульманским обществом проблем на основе шариата. Такие решения должны формулироваться в свете принципов необременения человека, избавления его от чрезмерных тягот и поиска наиболее удобных для него выходов, исключения по мере возможности конфликтов, приоритета общих целей шариата перед его частными нормами, ориентации на его ведущие константы, гибкость и способность шариата учитывать особенности сегодняшнего мира.

Одновременно концепция усредненности как образа жизни подтверждает традиционную для исламской мысли

свободу иджтихада и приемлемость расхождений во мнениях в общих рамках исламских ценностей. Она воспроизводит и знаменитый принцип исламской юриспруденции (фикха), допускающий изменение конкретных мусульманско-правовых правил вслед за изменениями времени, условий и обстоятельств. Причем данный принцип увязывается с необходимостью бережного отношения к обычаям и традициям мусульман, если они не противоречат точным и однозначным предписаниям шариата.

Со ссылкой на принцип религиозного плюрализма указанная концепция призывает мусульман к активному диалогу с представителями других вер и культур. Называя изолированность и замкнутость одной из главных причин исламского фанатизма, стратегия умеренности провозглашает открытость ислама к остальному миру. Одновременно обращается внимание на то, что проповедь исламских ценностей — особенно за пределами мусульманского сообщества — требует новых подходов, отражающих современные реалии.

Важно отметить, что особое внимание в этой программе уделяется проповеднической и просветительской деятельности мечетей, которые должны отказаться от стереотипов, освободиться от взглядов, восходящих к оставшейся в прошлом эпохе. Мечети ориентируются на осмысление современности сквозь призму таких исходных начал мусульманского права, как соизмерение пользы и вреда при принятии любого решения, приоритет избежания ущерба перед получением выгоды, желание реализовать цели шариата и его основные принципы, внимание к смыслу конкретных решений, а не к их формальному соответствию когда-то установленным доктринальным критериям. Именно эти цели пронизывают разработанную в Кувейте хартию мечетей, которая стоит на позициях отказа от слепого следования одному определенному толку исламской юриспруденции и признания плюрализма взглядов в общих исламских рамках.

Важная особенность рассматриваемой концепции заключается в ее практической направленности. В частности,

в Кувейте уже реализуются специальные просветительские программы для молодежи, а в университете — даже на естественнонаучных факультетах — регулярно проводятся семинары и дискуссии по различным аспектам усредненности как основы исламского мировоззрения. Уже начал работать специальный центр по этой проблематике, основная цель которого — вести полемику с приверженцами радикальных исламских взглядов, распространять объективные знания об исламе и его политико-правовой культуре за пределами мусульманского мира.

Ориентация на практику отличает и принятую министерством стратегию своей деятельности на исламском направлении в ближайшие пять лет, в центре которой — та же идея усредненности. Документ возлагает на это ведомство основную ответственность за координацию всей проповеднической исламской активности на основе умеренности, специально оговаривая, что уважение конституции и государственного строя относятся к краеугольным основам шариата. Особое внимание министерство планирует уделять работе СМИ по продвижению в обществе ценностей усредненности как исламского образа жизни.

На наш взгляд, значение анализируемой концепции не ограничивается интересами только мусульманского сообщества или рамками собственно религиозной политики. Она становится серьезным фактором решения общегосударственных задач, включая проблемы национальной безопасности. Показательно, что в рамках ее реализации специально созданная комиссия разработала для правительства Кувейта стратегию противодействия экстремизму¹². Центральное место в ней занимают два вопроса — идейное противостояние с экстремизмом и обоснование исламской альтернативы его позициям, а также активная работа с молодежью с целью предотвращения влияния на нее радикальных идей.

¹² См.: «Аль-Ватан», Кувейт, 30.11.2005, 01.12.2005, 02.12.2005, 04.12.2005, 05.12.2005, 06.12.2005.

Кроме того, принципы усредненности начинают оказывать воздействие и на выбор мусульманским миром приоритетов своей глобальной стратегии на современном этапе. В частности, на заседании министров исламских дел стран Персидского залива, состоявшемся в ноябре 2005 г., глава делегации Саудовской Аравии говорил, что от утверждения начал усредненности и умеренности как стратегических ценностей зависят авторитет и влияние ислама в современном мире.

Аналогичные мотивы звучали и на III Чрезвычайной сессии ОИК в декабре 2005 г. в городе Мекке. Выступая на этом форуме, Сабах аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах, возглавлявший в то время правительство Кувейта и провозглашенный в январе 2006 г. эмиром страны, подчеркнул, что истинный ислам — религия усредненности и неприятия крайностей, уважения других вер, диалога и взаимодействия с ними. А открывавший сессию король Саудовской Аравии заявил: «Кровопролитие никогда не приведет к исламскому единству, это могут достичь лишь умеренность и терпимость»¹³.

Приведенные примеры свидетельствуют о все более четком понимании международным мусульманским сообществом того, что от признания, детального исламского обоснования и последовательной практической реализации концепции умеренности в большой степени зависит, сумеет ли оно включиться в мировые процессы в качестве их активного участника, сохранив свою приверженность исламским ценностям и обогатив ими современную цивилизацию. А с этим напрямую связаны обеспечение глобальной стратегической безопасности мусульманского мира и перспективы его будущего развития в целом.

Возможно, именно умеренность как стратегическое направление современной исламской мысли станет ключом в поиске ответа на вопрос, быть или не быть реформам в

¹³ См.: «Ас-Сийаса», Кувейт, 08.12.2005.

исламе¹⁴. Хотя, наверное, лучше говорить не о реформах в привычном понимании, а о готовности исламской мысли отвечать на вызовы современности. А это, в свою очередь, зависит от выбора в огромном арсенале традиционный исламской политической и правовой теории таких приоритетных начал, которые могут помочь в решении сложных проблем, которые ставит перед мусульманами сегодняшний мир¹⁵.

Представляется, что целый ряд положений указанной концепции также отвечает интересам мусульман, составляющих конфессиональное меньшинство в неисламских странах. В частности, обострившаяся в последнее время проблема интеграции мусульман в европейский социум не кажется неразрешимой при условии утверждения принципов умеренности и готовности считаться с другими. Наверное, и еще не забытый так называемый карикатурный скандал не принял такие острые формы, если бы все его участники придерживались этих подходов.

Ключевые позиции концепции усредненности как стратегического выбора ислама могут быть востребованы и в России, особенно после предоставления ей статуса наблюдателя в ОИК. К ним можно, в частности, отнести предлагаемые основы диалога внутри мусульманского сообщества, безусловное уважение всеми исламскими движениями и организациями конституции, особую заботу государства о выработке исламских позиций по принципиальным общенациональным вопросам, в том числе касающимся безопасности и общественного согласия. Не надо забывать, что принятый в марте 2006 г. в нашей стране закон о противодействии терроризму относит к этой угрозе и соответствующую идеологию. Думается, что от утверждения принци-

¹⁴ См. об этом: *Левин З.И.* Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. М.: Крафт+, 2005.

¹⁵ См. об этом: *Юсуф аль-Карадави.* Мусульманско-правовое осмысление приоритетов на основе исследования Корана и сунны. Каир, 1995 (на арабском языке).

пов умеренности в подходе к решению всех связанных с исламом вопросов выигрывают не только мусульмане нашей страны, но и вся Россия.

Перспективы современной исламской мысли в России

С начала 90-х годов минувшего столетия в России наблюдается заметное возрастание роли ислама. Его влияние на общество и государство усиливается и идет по нескольким направлениям, принося неодинаковые и противоречивые результаты. В частности, в духовно-культурной сфере итоги «пробуждения» ислама в нашей стране пока остаются скромными. Здесь ислам еще не раскрыл своих возможностей, не стал органической частью нравственно-интеллектуального обновления России, не играет заметной роли в формировании культурного и идейного потенциала российского общества.

В этой области процесс восстановления традиций и их соединения с достижениями современной исламской мысли идет крайне медленно. Более того, активная издательская и псевдопросветительская деятельность часто не только не ведет к распространению объективных глубоких знаний об исламе, но и дискредитирует его. В результате ислам как система духовно-нравственных ценностей и важная часть мировой интеллектуальной культуры до сих пор не является достижением российского общества.

Противоречивые результаты «пробуждения» ислама объясняются многими причинами и не в последнюю очередь — спецификой осмысления мусульманскими лидерами и центрами форм и целей своего участия в общественно-политической, культурно-духовной жизни России, в решении ее социальных проблем, а главное — принципов отношений ислама с властью.

Для позиций современной исламской мысли в России по этим вопросам характерны существенные расхождения. В ней можно обнаружить обоснование различных, порой

прямо противоположных подходов: от полной лояльности властям до жесткой оппозиционности по отношению к ним, от подчинения исламской аргументации политическим задачам до оценки политики лишь как средства утверждения исламских догм на практике, от акцента на роли ислама как религиозного и духовно-нравственного фактора до упора на неизбежность вторжения его в политику, от ставки на умеренность и избежание крайностей в политической активности ислама до подчеркивания его назначения в качестве инициатора крутых перемен и политических потрясений.

Подробный анализ отмеченных концепций — тема самостоятельного исследования, а в данной статье достаточно констатировать, что идейные установки российского ислама при всем разнообразии объединяет одна общая черта — слабая разработанность именно исламских основ его общественно-политической активности, отсутствие четкой программы действий, которая увязывала бы включение ислама в российскую общественно-политическую жизнь с реализацией его принципов. Это относится как к тесно сотрудничающим с властями мусульманским деятелям и структурам, так и к тем лидерам и движениям, которые противопоставляют себя государству. В частности, официальные духовные управления мусульман, как правило, ограничиваются провозглашением самых общих начал своей политической активности (нередко — пассивности), которая часто определяется прагматическими соображениями, стремлением быть поближе к власти. Конечно, сотрудничество с законными государственными структурами — в числе краеугольных начал исламской формы правления. Но одного этого принципа недостаточно для исламского обоснования смысла позиции российского ислама по отношению к политике и власти. В итоге участие официальных мусульманских лидеров в политической жизни стимулируется скорее личными интересами и амбициями, нежели стремлением оплодотворить российскую политику исламскими ценностями, оценить ее с позиций исламских принципов и добиться реализации целей ислама политичес-

кими методами, путем конструктивного взаимодействия со светским государством.

Правда, в последнее время некоторые духовные управления мусульман предпринимают попытки сформулировать свою линию в политике. Например, Совет муфтиев России подчеркивает, что его отношение к государству базируется на рациональных принципах, которые защищают свободы и утверждают законопослушание. Такой подход соответствует исламскому понятию «мира согласия», которое является формулой договора мусульман с немусульманским государством в целях защиты прав и свобод мусульман¹⁶. Однако конкретное политическое и правовое содержание этого принципа не раскрывается, что лишним раз подтверждает недостаточную разработку официальными мусульманскими структурами собственно основ своего политического участия.

Такая особенность отличает и политические концепции оппозиционного российского ислама (например, «исламский проект» Г. Джемалы). Вместе с тем следует отметить одно важное исключение — теоретические постулаты идеологов радикального ислама: политические установки тех, кого у нас принято называть исламскими экстремистами, фундаменталистами, салафитами, «ваххабитами», насквозь пронизаны исламской аргументацией и по сути представляют собой программы практического претворения исламских норм и принципов, как правило, насильственным путем. К сожалению, сегодня именно у этих деструктивных сил оказались на вооружении идеи политического ислама. В отличие от них, лояльные властям мусульманские центры по разным причинам пока не предложили развернутой, убедительной и ориентирующей на исламские критерии позиции по актуальным общественно-политическим проблемам. Они уходят от прямой содержательной политики с радикалами и экстремистами, а если и пытаются проти-

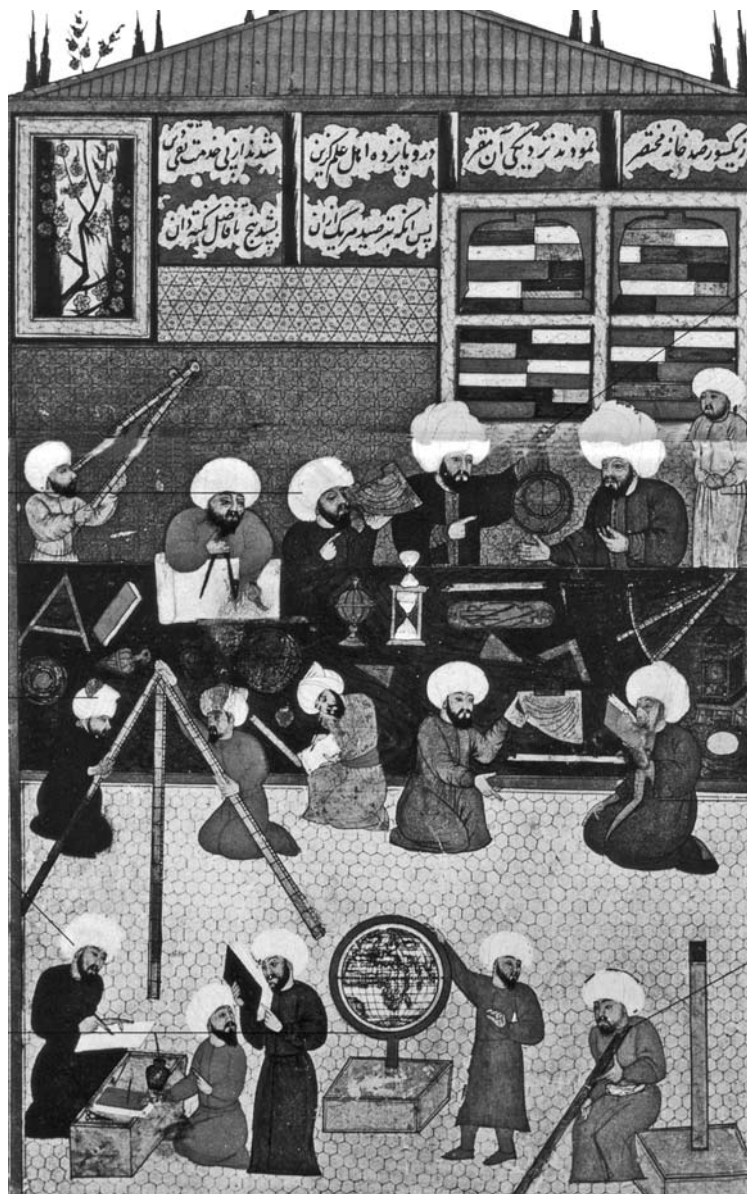
¹⁶ См. Основные положения социальной программы российских мусульман. М.: 2001. С. 30–31.

востоять им, то делают это неэффективно, избегая острых вопросов и довольствуясь общими декларациями.

Такие последствия «пробуждения» ислама вряд ли могут удовлетворить как самих мусульман, так и российское общество в целом. Главный недостаток в том, что позитивный созидательный потенциал ислама в социальной, духовно-культурной, образовательной, да и в политической жизни страны реализуется слабо и оказывает совершенно недостаточное влияние на процесс поступательного общественного развития и укрепление демократических правовых основ российской государственности. В то же время возможности ислама как негативного политического фактора, представляющего угрозу демократическим реформам, государственной целостности и национальной безопасности России, проявляются очень отчетливо.

Вероятно, по этой причине российская власть вынуждена реагировать прежде всего на отрицательные политические моменты исламского возрождения. В духовно-культурной области, как представляется, государство не определило своей четкой позиции, ограничиваясь общими декларациями о признании ислама в качестве носителя позитивных нравственных гуманных ценностей. Официальные структуры в сфере образования и культуры в целом пассивны в практической реализации этих абстрактных призывов. Более того, они очень настороженно воспринимают любые инициативы, связанные с исламским просвещением, а часто их просто отвергают.

Конечно, вывод об отсутствии у российского государства определенной линии по отношению к исламу в духовно-нравственных, интеллектуально-культурных вопросах был бы излишне категоричным. Но если такая позиция и прослеживается, то не отличается четкостью, последовательностью и ориентацией на выверенные стратегические критерии. В ней преобладает узкий взгляд на ислам как на идеологию, политическую силу и практику, угрожающие стабильности, целостности и конституционным основам влас-

Обсерватория

ти. Интересно, что для мусульман и их духовных центров толерантность, высокая духовность, нравственность, гуманизм ислама являются аксиомой, которую они зачастую не считают нужным доказывать и подтверждать реальными делами. В то же время для большей части российского общества и власти (да и для всего немусульманского мира) аксиомой считается противоположное — агрессивность ислама, его ограниченность, фанатизм и внутренне присущий ему радикализм. Иными словами, одни исходят из презумпции невинности ислама, а другие — из презумпции его виновности.

Очевидно, что в решении исламского вопроса в России не все зависит от государства. Но оно может сделать многое (прежде всего — в собственных интересах) при условии разработки и проведении продуманной принципиальной политики в отношении ислама, которая должна быть не делом одних силовых структур, а находиться в центре внимания всех уровней российской власти.

Пока такой политики, как представляется, нет. Взамен ее в последнее время некоторые религиозные лидеры и политические деятели предлагают провозгласить государственный курс на поддержку так называемого традиционного ислама, который на Северном Кавказе представлен тарикатизмом, основанном на суфийской практике, а в Татарстане — джадидизмом¹⁷. Именно эти варианты ислама называют альтернативой идейным позициям исламских экстремистов и панацеей от «ваххабизма».

На наш взгляд, оба отмеченных варианта традиционного для России ислама могут приниматься во внимание при определении государственной исламской политики, но в целом их потенциал достаточно ограничен. В частности, как показывает практика, они не в состоянии эффективно соперничать с позициями радикалов именно по исламским политическим вопросам.

¹⁷ См., например, интервью президента Татарстана М.Ш. Шаймиева. «Независимая газета», 28 ноября 2001 г.

Новый этап развития, в который вступила Россия, требует новой стратегической линии, разработки целостной государственной политики по отношению к исламу. А это нельзя сделать без определения целей указанной политики, общая задача которой — включение позитивного интеллектуального потенциала ислама в процессе демократических преобразований в России.

В духовно-культурной сфере власть не может ограничиваться подчеркиванием своего уважения к позитивному исламскому наследию. Тезис о большом духовно-нравственном потенциале ислама и его отчетливой социальной направленности, который постоянно звучит из уст мусульманских лидеров и находит отклик у власти, должен быть наполнен реальным содержанием и детально обоснован исламскими аргументами применительно к светскому государству. Конечно, это — задача в первую очередь самих мусульман, их идеологов и центров. Но государственная политика в состоянии стимулировать этот процесс, направить его в такие рамки, которые удовлетворяют потребности не только мусульман, но и всего общества. Не исключено, что такой курс будет способствовать формированию системы исламских социальных, культурно-образовательных, гуманитарных институтов и в конечном счете приведет к установлению между государством и мусульманскими центрами отношений своего рода социального партнерства. Одновременно будут складываться благоприятные условия для решения еще одной актуальной задачи, имеющей без преувеличения политическое значение, — достижения лучшего понимания ислама российским обществом, преодоления настороженности и недоверия ко всему исламскому.

В частности эффективность государственного подхода к политическому исламу будет выше, если параметры участия ислама в российской политике получают собственно исламское обоснование, будут сориентированы на позитивные начала мусульманской политической и правовой культуры, адаптированные к условиям светского государства. А это, в свою очередь, ставит перед властью еще одну задачу — ак-

тивно влиять на выработку российским исламом такой политической концепции, которая не противоречила бы (еще лучше — отвечала) государственным интересам.

Решение указанной задачи надо рассматривать в общем контексте мер, которые следует принять российскому государству для более эффективного противодействия актам экстремизма, которые основываются на исламской идеологии. Борьба с этой угрозой не может вестись только путем принятия жестких законодательных запретов. Одной из самых важных ее сторон является идейный аспект, актуальность которого объясняется прежде всего тем, что из всех составляющих экстремизма под исламскими лозунгами непосредственное отношение к исламу имеет именно указанный момент. Ведь прочность позиций мусульманских радикалов заключается не только в нерешенности политических, социально-экономических, национальных проблем, но и в теоретической базе, ориентирующейся на исламские концепции. Причем если по другим направлениям борьбы с этой угрозой уже предприняты достаточно эффективные меры, в том числе в рамках широкого международного сотрудничества, то отмеченная сторона этого явления пока остается вне внимания российского государства. Между тем без включения позитивного интеллектуального потенциала ислама в арсенал государственных средств борьбы с исламским экстремизмом окончательно подорвать его влияние невозможно. Именно поэтому формулирование исламской идейной альтернативы терроризму и экстремизму должно стать важной задачей государственной политики в отношении ислама.

Власть должна исходить из того, что ислам — не чуждый и посторонний для России феномен. Он является неотъемлемой частью российской истории и культуры, образом жизни миллионов граждан, для которых наша страна — их родной дом. Одновременно нужно осознавать, что ислам — не только религия, но и особая культура, в рамках которой сформировалось богатое идейное наследие. К нему относятся и политико-правовые концепции. Если к богословским постулатам

ислама и чисто религиозным вопросам государство должно относиться нейтрально с учетом своего светского характера, то исламские представления о власти, праве, политике не могут быть безразличны для власти. Здесь она должна занять четкую позицию как по отношению к тем принципам ислама, которые она разделяет и поддерживает, берет себе на вооружение, так и к исламским концепциям, несовместимым с современным демократическим обществом.

Необходимо иметь в виду, что на протяжении многовековой истории в рамках исламской культуры сложились очень разнообразные представления об основах власти и права, различные взгляды на отношения человека и государства, на общество в целом. Некоторые из этих концепций, чаще всего вырванные из общего контекста исламской мысли и ориентированные на малообразованные слои, могут использоваться для обоснования политического экстремизма. Но центральное место в идейном наследии ислама и в современной исламской мысли занимают не эти теории, а теоретическое обоснование таких начал, как умеренность, компромисс, стабильность, консенсус, лояльность властям, постепенность, совещательность, избежание вреда и др. Таким ценностям в исламе можно найти значительно более убедительное обоснование, нежели крайним радикальным взглядам. Это относится и к позициям наиболее авторитетных современных мусульманских мыслителей. Исходные исламские начала и принципы, их понимание крупнейшими мусульманскими авторитетами— очень убедительный аргумент против идеологии исламского экстремизма и терроризма¹⁸. Политико-правовое учение ислама может и должно служить не экстремистам, а демократическим силам, работать не на дестабилизацию, а на консолидацию общества и государства.

¹⁸ См. об этом: Сюкияйнен Л.Р. Ислам против ислама. Об исламской альтернативе экстремизму и терроризму. «Центральная Азия и Кавказ», №3 (21), 2002; Сюкияйнен Л.Р. Международный терроризм и ислам. «Конституционное право. Восточноевропейское обозрение», №4 (37). 2001.